

— Да плевать я хотел!

Пэн Фань вдавил педаль газа в пол. Какая разница, Бай Тун или Черный Тун — все они одним миром мазаны! Все эти прохвосты только и думают, что о наживе!

Тем же вечером Профессор Фу добавил Бай Туна и какого-то незнакомого старшекурсника в общий чат, переименовав его в Учиться, учиться и еще раз учиться. Следом он попытался добавить Ша Би, но, поняв, что ошибся, тут же выкинул того из группы, как только тот успел что-то вякнуть.

Чтобы было удобнее, Бай Тун отправил запрос на добавление в друзья старшекурснику. Тот не ответил, и Бай Тун, отложив телефон в сторону, принялся собирать свои вещи.

Хотя это и называлось переездом, на самом деле вещей было немного.

В прежние годы Пэн Фань предпочитал свободный стиль: носил просторные брюки и футболки. Благодаря высокому росту, в этой мешковатой одежде он выглядел стройным и статным, настоящим школьным кумиром. Тогда он стремился казаться крутым и стильным, поэтому надевал вещь пару раз, а потом выбрасывал.

Ян Ша, привыкшая к бедности и вечно жадная до денег, и думать не хотела о том, чтобы потратить на Бай Туна хоть монету. Поэтому вся старая одежда Пэн Фаня доставалась ему. Прежний владелец тела из-за своего характера стеснялся просить о чем-то другом, да и одежда, хоть и была велика, вполне сгодилась. Что же до стиля — он считал, что ему это попросту не нужно.

Думаете, Бай Тун стал бы выбрасывать эти вещи? Нет. Зрелый человек всегда стремится извлечь максимальную выгоду. Одежда Пэн Фаня в основном была брендовой, качественной и дорогой, а поскольку она была еще и в свободном стиле, Бай Тун вполне мог ее носить. Если не считать тех моментов, когда приходилось изображать Се Фусюэ и одеваться в стиле невинности прошлых лет, в остальное время Бай Тун с удовольствием носил самую обычную повседневную одежду — лишь бы было тепло.

Особых запросов к гардеробу у него не было. Он вытащил чемодан и принялся перебирать вещи в небольшом шкафу.

Отец Пэна и Ян Ша еще не вернулись, и в пустой квартире отчетливо раздавался шорох, с которым Бай Тун разбирал одежду.

Пэн Фань пришел, ругаясь на ходу, с все еще покрасневшими щеками. Увидев разбросанные по полу вещи Бай Туна, он сначала замер, а сообразив, в чем дело, тут же возмутился:

— Почему это всё мои вещи?

Приглядевшись, он понял, что и надетая сейчас на Бай Туна футболка тоже принадлежит ему.

Выцветшая просторная футболка сидела на нем мешковато, полностью обнажая ключицы.

Пэн Фань почувствовал себя какой-то собакой: кончики зубов зачесались так, что ему захотелось вцепиться в кость и яростно погрызть ее.

Пэн Фань подошел и пнул кучу одежды ногой, переходя от смущения к гневу:

— У тебя что, своей одежды нет?

Бай Тун потерял дар речи и проигнорировал Пэн Фаня. Подняв голову, он увидел, что лицо Пэн Фаня покраснелось точь-в-точь как обезьяний зад.

Бай Тун слегка отвернулся и применил свой излюбленный навык: сделать вид, что не замечает, не слышит и вообще считает собеседника пустым местом.

Он продолжил упаковывать вещи, и когда добрался до нижнего белья, Пэн Фань окончательно потерял самообладание.

— Эй!

Бай Тун произнес:

— Мама мне вчера во сне явилась.

— М? — Пэн Фань крайне редко слышал, чтобы Бай Тун заводил разговор о своих родителях, и на мгновение даже забыл, что злится. — И что сказала?

Бай Тун ответил:

— Мама велела мне не разговаривать с дураками.

— ...

— !!Пэн Фань за всю свою жизнь еще не испытывал столько унижения.

— Бай Тун! Ты только что назвал меня тупицей!

Бай Тун развел руками:

— А разве нет? Юный господин, не желаете ли ознакомиться с тяготами смертных? Подвиньтесь, вы загораживаете мне свет.

У Пэн Фаня вспыльчивый характер, надувшись на Бай Туна, он взмахнул рукой и ушел прочь.

Бай Тун даже не взглянул на него. Юный господин привык жить в роскоши и знать не знал, что пока кто-то считает его человеком высшего сорта, он, Бай Тун, видит в нем лишь худшую из собак.

Дрянной роман о негодях и мыльная драма, со всех сторон только и слышно собачий лай.

Гав-гав-гав-гав-гав-гав.

Бай Тун сказал — сделал, собрался он с невероятной быстротой: взмахнул рукавом и унес все, что только мог унести.

Пэн Фань все еще дулся. Накануне он всю ночь проработал сверхурочно, едва уснул, как у

двери раздалось громогласное бух, чуть не отправившее его на тот свет.

Пэн Фань кое-как поднялся, вышел в прихожую и увидел у порога огромный баул с одеждой.

Бай Тун стоял на пороге и впервые в жизни улыбался.

Рано утром эта улыбка казалась невероятно лучезарной, похожей на цвет яблони, а его щеки даже отливали розовой белизной.

Ха.

Все-таки не выдержал, пришел мириться.

Пэн Фань невольно затряс ногой, нахмутив брови с наигранным недовольством, но уголки его губ уже помимо воли поползли вверх.

— Зачем пришел?

Бай Тун сиял улыбкой:

— Зашел сказать, что компания выделила мне жилье. С сегодняшнего дня я съезжаю.

— ? — Пэн Фань застыл, словно пораженный молнией. Не успел он опомниться, как Бай Тун уже подхватил чемодан и был таков — он даже не позволил Пэн Фаню донести его вещи!

Хорошо!

Прекрасно!

Бай Тун стоял с чемоданом у обочины дороги.

Се Минчжу пообещал прислать за ним человека.

Подумав о том, что удастся сэкономить деньги, Бай Тун с радостью согласился.

— Тун-тун?

Бай Тун обернулся и увидел отца Пэна, опирающегося на трость.

На мгновение Бай Туно показалось, что что-то здесь не так, но, подумав немного, он понял — всё сходится.

Третья нога — тоже нога, все три ноги связаны одним сердцем.

Бай Тун посмотрел на него без малейшего проблеска дружелюбия.

Отец Пэна неловко усмехнулся, заметив чемодан в руках Бай Туна, и от этого его лицо стало еще мрачнее.

— Ты надумал бежать из дома?

Бай Тун окинул его взглядом, каким смотрят на мусор, и ничего не ответил.

Отец Пэна задохнулся от такого взгляда — главным образом потому, что этот взгляд пробуждал в его памяти не самые приятные картины и заставлял ныть одно определенное

место.

— То, что случилось той ночью, я готов простить. Даже после таких моих слов ты всё равно хочешь уйти? Бай Тун, в этом мире только я по-настоящему к тебе добр! Стоит тебе уйти от меня, и больше никто не станет покупать тебе одежду, сахарные цукаты на палочке и мазь от ран, когда ты поранишься!

Даже собака, услышав это, пролила бы крокодиловы слезы, растроганная людской искренностью, а Владыка Ада от души воскликнул бы, что для тебя в котле уже разогревают ад языкоотрезания.

Если послушать сперва, можно подумать, что за правдой скрывается любящий отец, но на самом деле всё обстоит иначе — Одежда и засахаренные фрукты были куплены Отец Пэна и его любовницей, а Бай Тун для него лишь удобный громоотвод.

Он решил высказать всё это только потому, что, кроме этого, обсуждать было просто нечего!

Бай Тун мысленно выразил соболезнования прежнему владельцу тела.

Не узнал бы — не печалился, но, судя по будням покойника, каждый его день был словно праздник поминовения усопших.

Бай Тун презрительно хмыкнул:

— И это всё?

Отец Пэна опешил.

Ох, ну и тон... Слишком уж высокомерно, не находишь?

Честно говоря, за всю свою жизнь Отец Пэна слышал подобный тон только от своего деда. Стоило ему услышать эти интонации, как перед глазами сразу всплывал дед, который в детстве не раз задавал ему хорошую трепку.

Бай Тун с сомнением посмотрел на него:

— Но разве не твоя любовница всё это купила?

— Ты... ты когда узнал об этом? — Отец Пэна пришел в ужас, его взгляд заметался по сторонам, он заметно занервничал. — Ты ведь... не сказал об этом своей тетушке?

Отец Пэна боялся не столько жену, сколько позора.

Бай Тун ответил:

— Эхе-хе.

Отец Пэна так заволновался, что чуть не выронил трость:

— Что еще за эхе-хе?

Будучи прожженным интриганом, он понимал, что инициативу нужно держать в своих руках. Поэтому он решил перейти в наступление:

— Да, у меня есть пара любовниц на стороне, какой мужчина не ходит налево? Ты ведь образованный человек и должен знать, что в древней Европе количество любовниц было показателем статуса. Неужели я не заслуживаю иметь пару пассий?

Бай Тун произнес:

— Здесь иса.

— Что? — у Отца Пэна вздулись вены на висках. — Что за чушь ты несешь?

— Лишь бы тебе нравилось, — спокойно ответил Бай Тун.

Отец Пэна затрясся от ярости:

— Не строй из себя невесть что! То, что я обратил на тебя внимание — великая честь! Когда выйдешь в большой мир, станешь лишь дешевой шлюхой, которую все кому не лень будут пользоваться!

Бай Тун:

— Фу-у...

Отец Пэна хотел добавить что-то еще, но прямо перед ним резко затормозил шикарный автомобиль. Выхлопные газы ударили прямо ему в лицо.

Отец Пэна вытер лицо и взревел:

— Водить научись, идиот!

Се Минчжу, в холодных солнцезащитных очках, просто стоял рядом, и от одного его вида казалось, что он готов прикончить любого в радиусе трех шагов.

— Следи за своим языком! Не дай бог я услышу, как ты еще хоть раз позволишь себе подобное в его адрес!

Отец Пэна уже хотел было огрызнуться, но, увидев номер «шестерки» на «Кайене», моментально прикусил язык.

Не то чтобы он испугался, просто ему совсем не хотелось переходить дорогу властному и состоятельному господину. пышный гнев Отца Пэна сдулся, как проколотый пузырь, и на его лице осталось лишь уродливое выражение человека, задолжавшего миллионы.

Бай Тун подхватил коробку и сел в машину, покорно устроившись на заднем сиденье.

— Благодарю вас, водитель.

Се Минчжу не смог выдавить из себя улыбку, чувствуя себя таксистом, которого к тому же надули.

— Почему не садишься вперед?

Бай Тун откинулся на спинку сиденья:

— Я этого не достоин.

— Ха, хоть капля самокритики, — усмехнулся Се Минчжу. — Запомни, ты действительно не достоин.

Бай Тун кивнул:

— Да-да, конечно.

Се Минчжу запнулся, не в силах подобрать достойный ответ. Чтобы отыграться, он резко прибавил газу, устроив Бай Туна поездку на грани фола.

Когда машина остановилась, Бай Туна вырвало. Лицо его было бледным, как полотно.

Се Минчжу: «...»

Глядя на это белое лицо, он всё же купил бутылку воды, чтобы Бай Тун прополоскал рот.

Закончив, Бай Тун не преминул прокомментировать:

— Господин водитель, ваш стиль вождения оставляет желать лучшего.

Се Минчжу подумал: «Мог бы и спасибо сказать».

Придя в себя, Бай Тун достал две фруктовые конфеты. Он раздул щеки и принялся старательно разгрызать их мелкими белыми зубами. В тот же миг полость рта наполнилась сладким ароматом дамасской розы.

Он был так увлечен процессом, что поначалу даже забыл про соседа, но, спохватившись, вежливо предложил:

— От этих конфет толстеют, ты ведь вряд ли захочешь подвергать себя такому греху, верно?

Изначально Се Минчжу вовсе не хотел их брать.

Он испытывал брезгливость. В его воспоминаниях Се Фусюэ никогда не ел конфет и уж точно не носил их с собой, ведя себя так несерьезно. Только Бай Тун мог с таким усердием разгрызать леденцы, раздувая щеки.

Однако, глядя на протянутую руку, Се Минчжу ответил:

— Хорошо.

Бай Тун уже было хотел убрать руку обратно!

Оплошал, поторопился.

Потеряв две конфеты, Бай Тун поплелся с коробкой вверх по лестнице.

Жилье, которое нашел Се Минчжу, было надежным и безопасным. Бай Тун специально обратил внимание на охрану — всё было на высшем уровне. И район оказался приятным: сейчас как раз цвели густые белые цветы, создавая атмосферу романтики.

Се Минчжу не был джентльменом — его галантность предназначалась лишь Се Фусюэ. Но, глядя, как Бай Тун неуклюже, словно маленькая черепаха, пытается дотащить тяжелую коробку, он всё же нарушил свои правила и помог донести её до двери.

Бай Тун смотрел на свои покрасневшие от напряжения ладони и твердо решил начать заниматься спортом. Он с завистью посмотрел на спину Се Минчжу.

Однажды его плечи и спина станут такими же широкими и крепкими!

Се Минчжу чувствовал, как буравит его спину этот взгляд, и, не выдержав, обернулся.

Он увидел, как Бай Тун смотрит на него — горячо, жадно. Совсем не так, как обычно: холодно и отстраненно, будто на кучу мусора.

Сейчас Бай Тун выглядел как фанатичный обожатель.

Се Минчжу: «...»

Что ни говори, а взгляд у него был очень странный.

<http://bllate.org/book/21952/2280881>